

Иванов Алексей Алексеевич

DOI 10.31483/r-21398

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ БЕЛЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1921 ГГ.)

Ключевые слова: Гражданская война, антибольшевистское сопротивление, белые правительства, милиция белых правительств, правовая незащищенность, материальная незащищенность.

Рассматриваются особенности организации и функционирования органов охраны общественного порядка многочисленных белых правительств, существовавших на территории России в годы Гражданской войны и иностранной интервенции в 1918–1921 годы. Особое внимание уделяется трудностям комплектования местной милиции, специфичности криминогенной ситуации от региона к региону.

Keywords: Civil war, anti-Bolshevik resistance, white governments, militia of white governments, legal insecurity, material insecurity.

The features of the organization and functioning of public order protection bodies of numerous white governments that existed on the territory of Russia during the Civil war and foreign intervention in 1918–1921 are considered. Particular attention is paid to the difficulties of recruitment of local police, the specificity of the crime situation from region to region.

Введение

Весной 1918 года началось открытое вооруженное сопротивление Советской власти со стороны антибольшевистских сил, вошедшее в отечественную историю как Гражданская война. Символом борьбы «белых» с «Советами» стало, представлявшееся Всероссийским Собором и разогнанное большевиками в январе 1918 года, Учредительное собрание.

Примечание. Со времени Французской революции XVIII века белый цвет стал символом монархии и старого «законного» порядка. Именно поэтому

сторонники Учредительного Собрания (в основном монархисты), выступавшие под лозунгом «Единая и Неделимая Россия», приняли для себя название «белых».

В ходе расширения Гражданской войны на территориях России возникло около 60 антисоветских национально-государственных образований, в том числе и в местностях, где советская власть была ликвидирована, более 20. Большинство из них в 1918–1920 годах были очагами антибольшевистского сопротивления.

Первым из таких центров стала, формируемая в Новочеркасске с начала ноября 1917 года так называемая «Алексеевская организация» (начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев, 1857–1918), которая уже в декабре превратилась в Добровольческую армию на Дону и Кубани (Генерального штаба генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов, 1870–1918), легализовавшей себя «Положением об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией» от 3 октября 1918 года. После антибольшевистского восстания донского казачества возникло независимое Правительство Донской области (Временное Донское правительство, апрель 1918 г., Всевеликое Войско Донское, атаман Краснов П.Н., 1869–1947). В начале 1919 года они объединились в единые Вооруженные Силы Юга России (ВСЮР) и под началом Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Деникина (1872–1947) достигли пика своей численности – около 40 тыс. человек, более половины которых составляло казачество.

Восстание «Чехословацкого корпуса» в мае–июне 1918 года, в тесном контакте с лидерами антибольшевистского подполья, в одночасье смевшее советскую власть по всей Транссибирской магистрали (от Пензы до Владивостока), и практически одновременная оккупация силами экспедиционных корпусов иностранных государств отдельных районов и даже регионов страны открыли широкомасштабную гражданскую войну в России и положили начало стремительному появлению на ее территории различных антибольшевистских и антисоветских квазигосударственных образований.

Примечание. 40–60 тыс. бывших военнопленных Австро-Венгерской империи, после заключения мира с Германией отправленных по железной дороге во

Владивосток для возвращения морским путем. Эшелоны с ними растянулись по всей железной дороге. 26 мая 1918 г. в Челябинске во главе с генералом В.Н. Шокоровым подняли антисоветский мятеж, заняли город, оружейные склады, разогнали местный Совет. Были активно поддержаны эсеровским контрреволюционным подпольем, что привело к практически одновременной ликвидации советской власти в Омске, Ново-Николаевске, Пензе, Самаре, Симбирске, Уфе и многих других городах.

В Самаре с помощью иностранного легиона членами Учредительного Собрания было создано эсеровское областное образование Поволжья – Комитет членов Учредительного Собрания (КОМУЧ, июнь–сентябрь 1918 г.).

В Архангельске с октября 1918 по февраль 1920 годов действовало «свое» эсеровское Временное правительство Северной области (Чайковский Н.В., генерал Е.К. Миллер). На территории отбитой зимой 1918 года эстонской территории очередное временное правительство – Верховное управление Северной области (командующий Северо-Западной армией генерал Н.Н. Юденич) с помощью англичан готовило плацдарм для броска на Петроград и др. В Крыму после разгрома деникинской армии с апреля по ноябрь 1920 года существовало Правительство Юга России.

Однако регионом с самым длительным периодом неподконтрольности власти большевиков стал Восток России: от Урала до Сахалина и Камчатки. «Территория востока России во второй половине 1918 – начале 1920 гг. оказалась под властью нескольких антибольшевистских правительств: Комуча, Прикомуча, Временного областного правительства Урала, Оренбургского войскового казачьего правительства, Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства, Директории, Российского правительства адмирала А.В. Колчака, иркутского Политического центра, Временного правительства автономной Сибири, Делового управления Дальневосточного комитета защиты родины и Учредительного собрания Д.Л. Хорвата, Временного правительства Амурской области, а также ряда национальных экстерриториальных

государственных образований – Башкирского правительства, Алаш-Орды, Алтайской горной управы и Бурятской национальной думы» [14, с. 5].

В Сибири утвердился и более года функционировал политический и военный центр «белой» России, пришедшее на смену так и нереализованной идее Российской Федеративной Демократической Республики (РФДР) – Временное Сибирское правительство во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком (Декларация Временного Сибирского правительства от 4 июля 1918 года «О государственной самостоятельности Сибири»).

Свои очаги антибольшевистского сопротивления Советам (в подавляющем числе случаев, под националистическими идеями) появились в Башкирии, Туркестане, Киргизии. Совершенно независимую от всех, но при этом, прежде всего, непримиримую к большевикам, политику проводили Оренбургское, Уральское, Сибирское, Иркутское, Семиреченское, Енисейское и Астраханское и другие казачьи войсковые объединения.

Некоторые из названных формирований были незначительными, время их существования невелико, а деятельность стихийна. Но были и серьезные государственноподобные образования, такие, например, как КОМУЧ или Временное Сибирское правительство.

На Уфимском Государственном совещании антибольшевистских сил (делегатов КОМУЧа, временных правительств Урала и Сибири) после долгих споров, в последний день его работы – 23 сентября 1918 года, было сформировано объединенное антибольшевистское Временное Всероссийское правительство – Директория, а в начале ноября его исполнительный орган – Совет Министров. Это было закреплено «Актом об образовании Всероссийской Верховной власти» от 23 сентября 1918 года. Столицей «новой России» стал г. Омск.

Однако, когда Директория, реализуя согласованный со всеми делегациями принцип «Единая и неделимая Россия», приняла решение об упразднении правительств Поволжья, Урала, Сибири, именно этот шаг, самым парадоксальным образом ускорил падение антисоветского сопротивления.

18 ноября, вследствие фактического падения КОМУЧа, сжавшегося до Съезда членов Учредительного собрания (г. Екатеринбург) и организованного военными переворота, Верховным правителем России был провозглашен А.В. Колчак (1874–1920) [9, с. 24; 27; 35; 11, с. 35–41].

Организационно-правовые особенности построения и функционирования сил охраны общественного порядка на территории «белых» правительств

Все эти квазигосударственные образования после ликвидации имеющихся советских учреждений и уничтожения политической оппозиции устанавливали свои властные структуры, восстанавливали дореволюционное административно-территориальное устройство, системы губернского и уездного аппаратов управления (как было, например, на территории Временного Донского правительства); вводили основы прежнего (царского) законодательства с незначительными, но необходимыми в сложившейся общественно-политической обстановке коррективами либерально-демократических реформ Временного правительства; учреждали местные системы налогов и сборов; создавали свои органы военно-полицейского аппарата, в том числе безопасности и обеспечения общественного порядка.

Большинство «белых» правительств создавало свои милицейские структуры по образцу постановления «Об учреждении милиции» от 17 апреля 1917 года, но со своей спецификой, главной из которой было ее прямое подчинение «центральной» власти. Однако на практике, как правило, это требование было осуществимо только на губернском уровне, а городского или земского уровней оно не достигало.

В недолгой истории существования КОМУЧа его милиция действовала под эгидой созданного 9 августа 1918 года Министерства охраны государственного порядка.

В соответствии с Положением от 20 сентября 1918 года под названием «Учреждение Министерства охраны государственного порядка» (основанного на «Учреждении о Министерстве внутренних дел» 1892 г. и «Временном положении о милиции» 1917 г.) в нем учреждались департаменты милиции и

государственной охраны. При этом к ведению Департамента милиции относились дела по предупреждению и пресечению преступлений и по охранению безопасности и порядка, а также по устройству учреждений милиции и по наблюдению за их деятельностью и правильной постановкой дел [4, с. 139–149]. Организационные основы местной милиции, заложенные актами Временного правительства, не менялись.

В Сибири, принятое Административным советом Временного Сибирского правительства 17 сентября 1918 года «Временное положение о сибирской милиции», определяло ее исполнительным органом Временного Сибирского правительства на местах в составе МВД (через губернских (областных) комиссаров по делам милиции (с 28 декабря 1918 г. – управляющих), выполняющее задачи охраны общественной безопасности и порядка, защиты граждан от насилия и самоуправства [17, с. 327–331]. В апреле 1919 г. с разрешением учреждения милицеских должностей на частные средства такие должности были введены на многих промышленных предприятиях.

Примечание. В числе иных важнейших Временного Сибирского правительства нормативных актов в правоохранительной сфере были, например, законы: от 15 июля 1918 г. против спекуляции; от 14 сентября 1918 г. о введении смертной казни в прифронтовой полосе; от 11 февраля 1919 г. о предварительных и внесудебных арестах лиц по подозрению в антигосударственной деятельности и принадлежности к большевизму и др.

Костяком организующейся милиции стали бывшие чины царской полиции и жандармерии. Однако, в условиях крайней нехватки кадров, на работу в милицию (несмотря на значительное число беженцев из центральных губерний России, из Поволжья и Урала) при отказе от классового принципа при комплектовании местных учреждений принимали даже лиц, осужденных за кражу, мошенничество, укрывательство похищенного, подлоги, взяточничество или ростовщичество, если со дня отбытия наказания прошло более 5 лет.

Руководящие посты очень часто занимали армейские офицеры и за редким исключением старые полицейские кадры. Делопроизводитель губернского

управления титулярный советник П.И. Ситников в своем докладе управляющему Енисейской губернии П.С. Троицкому 13 марта 1919 года подчеркивал: «Жизнь показала, что без этих специализировавшихся в своем сложном, опасном и ответственном деле людей не обойтись, т.к. заменившая «полицию» «милиция», на вербованная, как говорится с бора по сосенке, оказалась далеко не на высоте своего положения и в большинстве случаев оказалась во всех отношениях хуже столь неосмотрительно забракованной полиции» [2, с. 178–179, 316–317].

Не раз Правительством издавались распоряжения о наборе в милицию прежних чинов полиции. Например, в законе «О бунте против власти» от 13 февраля 1919 года говорилось о необходимости опыта сотрудников прежних полицейских структур, особенно жандармских чинов, так необходимом в борьбе с «большевизмом» [12]. Однако старые кадры не особо стремились вернуться на свои места, не прельщала их и возможность повышения по службе.

Постановлением Совета министров от 25 февраля 1919 года при МВД для выполнения особых боевых задач и одновременно в качестве резерва для учреждения правоохранительных органов с подготовленными сотрудниками милицеских структур на освобождаемых от противника (т.е. советской власти) территорий для был учрежден отряд особого назначения.

Весьма широкое разнообразие типов и форм местного самоуправления стало причиной того, что организационные моменты были практически «пущены на самотек», что также было общей чертой деятельности белых правительств. Естественно, такое отношение к милиции (финансируемой и материально обеспечиваемой по «остаточному принципу») не могло не сказываться на результативности ее работы, тем более, что при нехватке финансирования она местными властями могла быть и вовсе расформирована [11, с. 35–41]. Недостаток финансирования, практически полное отсутствие социальной защищенности, слабый контроль приводили к большой текучке кадров сибирской милиции, ее поборам с населения и безнаказанному произволу в его отношении, что являлось одним из факторов недовольства властью.

Примечание. В циркуляре МВД управляющим губерниями и областями от 20 сентября 1919 г. отмечалось, что подчиненные Департаменту милиции МВД милиционеры сами совершают преступления: насилия над личностью (порки, истязания и даже расстрелы); произвольные аресты и обыски; лихоимство и вымогательство; присвоение вверенного и изъятого имущества; незаконное вмешательство в дела местного самоуправления; недостойное поведение и т.п.

Таким образом, милиции белых правительств приходилось работать в сложнейших условиях, практически при полнейшем отсутствии поддержки и понимания со стороны местного населения, да еще и по остаточному принципу комплектования и финансирования. Тем не менее, органы милиции были вовлечены в решение практически всех проблем существования правительств.

Отдельной проблемой функционирования всех новосоздаваемых «правительств» этих квазигосударств были многочисленные факты вымогательства и казнокрадства чиновников новых управленческих структур, которые в отсутствии старых профессиональных кадров были наполнены массой «темных» личностей, а также борьба с вооруженным сопротивлением населения (особенно крестьянского) реквизициям и принудительным мобилизациям (в том числе и вернувшихся домой с войны фронтовиков), со всей неизбежностью порождавшими такое же массовое дезертирство.

После падения советской власти на Урале под ударами колчаковской армии с оружием в руках против большевиков (по мнению населения, крайне грубо начавших обходиться со своими только что побежденными политическими противниками – эсерами, меньшевиками и пр.) в августе 1918 года под влиянием «Союза фронтовиков» самостоятельно и массово выступили только рабочие Ижевского и Воткинского заводов (вошли в «Прикамский Комуч»). Их «народные армии» (15 тыс. и 8 тыс. бойцов) в январе 1919 года составили бригаду Западной и дивизию Сибирской армий Колчака, соответственно. Однако в силу того, что подобные инициативы для военных всегда казались подозрительными [16, с. 100–120], да и сами восставшие вплоть до конца ноября выбирали к кому присоединиться (КОМУЧу или Сибирскому правительству), статус этих частей

так и не был четко определен. Причем, даже после выхода «Временного положения о службе добровольцами в сухопутных войсках» от 25 февраля 1919 года.

Примечание. Хотя почти все белые армии сами начиналось с добровольных формирований, в том числе и колчаковская («Временные условия формирования сибирских добровольческих полков в Западно-Сибирском военном округе» от 1 июня 1918 г.) и армия КОМУЧа. («Временные правила об организации и службе Народной армии» от 17 июня 1918 г.).

Несмотря на очевидные боевые успехи в борьбе с «красными», эти части всегда находились на последних ролях, что было вполне понятным, так как сразу после освобождения своего города в конце апреля дезертировало более 4 тыс. ижевцев. А воткинцы были крайне недовольны приказом о выполнении боевых задач вдали от своих мест. В конечном счете, все это привело к майскому расформированию частей, в которых после бегства их личного состава почти никого не осталось (Ижевская отдельная стрелковая бригада – 180 офицеров и небольшая группа солдат и практически пустая Воткинская стрелковая дивизия), хотя позже они были восстановлены и в числе немногих сохранили свою организацию и боеспособность даже в последние дни колчаковского сопротивления и закончили свой боевой путь только на Дальнем Востоке в конце 1922 года [16, с. 100–120].

Белые правительства практически сразу настроили против себя крестьян, и так считавших новые власти (и небезосновательно!) «временщиками», своей крайне жесткой финансовой политикой, основанной не только на требовании безусловного взимания налогов и сборов, но и погашения недоимок за 1916–1918 годы. Не случайно в специальных исследованиях такой подход называют к причинам поражения белого движения на востоке страны [3, с. 225; 14; 18, с. 276].

Несмотря на то, что налоговыми делами занимались специальные (государственные и земские) податные органы, с июля 1918 года Временное Сибирское правительство обязало органы местной милиции, сформированные из старых

полицейских кадров, оказывать всемерное содействие соответствующим структурам в решении финансовых проблем властей.

Милиция оказывала активную помощь органам безопасности в борьбе с политическими врагами и с открытыми выступлениями местного населения; проводила разъяснительную работу на сельских сходах; производила аресты наиболее активных противников политики властей; занималась прямыми реквизициями (зачастую путем буквального «выколачивая» их из крестьян) или посредством описи и продажи имущества; ловила спекулянтов, дезертиров и бандитов и мн. др.

Следует заметить, что методы «белых» и «красных» властей в этом деле не отличались своими методами. В процессе продразверсточных мероприятий на территориях Советов также изымалось всё, а не только провозглашаемые «излишки» (нередко полностью изымался и семенной фонд).

Особо болезненным для населения западносибирско-уральского региона такие изъятия стали в голодные 1920–1921 годы. Именно на этот период приходится максимальное число народных выступлений, особенно казачьих, в обеих противостоящих сторонах, которые были вынуждены привлекать для их подавления свои армейские подразделения. Пика такие выступления достигли во время крестьянского восстания в Западной Сибири весной 1921 года, охватившего огромную территорию площадью около 1,5 млн км², в котором приняло участие почти 60 тыс. человек. На ликвидацию повстанческих групп власти потратили несколько месяцев [10, с. 24–25].

Сибирский и Дальневосточный регионы вообще отличались особенной спецификой. В Сибири характерным видом преступления, являлась, например, стремительно увеличивающаяся наркоторговля (опиумным маком, кокаином) [2, с. 319]. Чрезвычайно «притягательными» для преступников всех мастей, но прежде всего, для партизан, были проходившие по Транссибирской магистрали поезда, конторы многочисленных приисков, заводов и мануфактур.

Несмотря на то, что основные части «белочехов» и иностранных войск старались не отдаляться от железной дороги, заодно выполняя ее охрану,

предотвратить отдельные вооруженные вылазки партизан на Транссибирскую магистраль не удавалось.

Так, по сообщению коменданта железнодорожного участка начальнику штаба Иркутского военного округа в мае-июне 1919 г. «...на участке ст. Тайшет-Тулун продолжается разборка путей красными ... Поезда ходят только днем».

Всего в Сибири за годы Гражданской войны теми или иными силами было уничтожено около двух тысяч километров железнодорожного полотна, 167 мостов, 70% железнодорожных составов [5, с. 85; 10, с. 20].

Еще одной особенностью криминогенной обстановки в Сибири было огромное количество деклассированного и маргинального элемента, явившегося прямым следствием сверхлиберальных амнистий Временного правительства.

Так, например, из томских пенитенциарных учреждений только феврале-марте 1917 г. было выпущено до 2500 осужденных, из которых «политическими» являлось лишь около 20%, а из новониколаевской уездной тюрьмы по решению уездного Комитета безопасности и порядка судебным комиссаром 21 и 22 марта 1917 г. было освобождено свыше 200 уголовных преступников, осужденных в основном за преступления небольшой степени тяжести (за самогонование, например) [8, с. 193].

О прямом влиянии на разгул преступности амнистированных преступников директор Департамента милиции МВД Временного Всероссийского правительства А.А. Траутман указывал даже 8 марта 1919 года.

Нередким явлением было и стихийное освобождение из тюрем содержащихся там уголовных преступников, как это было, например, при разгроме толпой арестного дома в Славгороде (Алтайская губерния) 17 сентября 1918 года или освобождение в результате беспорядков 200 заключенных в Омске 22 декабря [2, с. 41–43].

Эхо амнистий раздавалось в регионе при всех властях еще многие годы. Освобожденные из сибирских и дальневосточных каторжных тюрем арестанты сразу же приступили к насилию, грабежам и разбоям. Кроме этого контингента не следует забывать о том, что в сибирский регион еще царским правительством

стали массово отправлять иностранных военнопленных, которых к 1918 году набралось несколько сотен тысяч человек.

Значительное беспокойство властям доставляли «неприписные», которыми являлись самовольные переселенцы, не имевшие ни соответствующего статуса, ни земельного надела, а значит, также в определенной степени маргинальные элементы.

Остро стояла проблема беженцев из центральных районов России, которых, например, осенью 1919 г. на станциях Сибирской железной дороги насчитывалось до 800 тыс. человек [2, с. 48–49]. Пока у них было имущество, они были объектами преступлений специализирующихся на таком промысле шаек, но когда это имущество было потеряно – многие беженцы вливались в ряды маргиналов и преступников. Кроме того, постоянной головной болью для спецслужб «белых» было то, что под прикрытием беженцев активно действовали агенты Советского правительства.

Также можно указать еще и на огромное (бесконтрольное!) количество огнестрельного и иного оружия на руках населения, что было обусловлено традиционным занятием охотничьим промыслом и массой возвращавшихся со всех военных фронтов солдат, «прихвативших» с собой оружие, умевших и привыкших пользоваться им.

Смертельной угрозой для «белой» милиции в лице ее местных отделений и отдельных представителей в некоторых районах были случайные встречи с рейдами сводных отрядов милиции и уголовного розыска «Советов», которые формировались специально для ликвидации обнаруженных организованных преступных групп или дезертирских шаек.

Однако ни с чем не сравнимую опасность для действующих властей представляло существование партизанства («атаманщины», «батьковщины») на их территории и его деятельность.

В Сибири партизанское «антиколчаковское» движение возникло сразу же после свержения советской власти летом 1918 года и активно действовало до 1920 года. Его костяком стали остатки разгромленных красноармейских частей,

представители партийных и советских органов. К 1919 году различные партизанские образования контролировали до трети территории региона с численностью населения до 1,8 млн человек.

Например, на севере Ачинского уезда Енисейской губернии с декабря 1918 года «хозяйничал», насчитывающий почти 500 бойцов, отряд бывшего начальника уездной советской милиции П.Е. Щетинкина. Осенью 1918 года в таежных районах юга Томской губернии возникли отряды П.К. Лубкова, И.П. Новоселова, М.Х. Перевалова, Е.П. Попова, Г.Д. Шувалова, В.П. Шевелева и др., на территории Тарского, Татарского, Каинского и Тобольского уездов действовали отряды С.В. Абрамова, М.И. Дьякова, Л.И. Избышева и др.).

Партизанское движение быстро приобрело массовый характер (около 150 тыс. человек) и его значение в ослаблении антибольшевистских сил настолько возросло, что со второй половины 1919 года оно превратилось в стратегический фактор гражданской войны в Сибири.

Местная милиция Сибирского правительства из-за своей малочисленности и крайне низкого уровня подготовки (и мотивированности, кстати) справиться с партизанами не могла. Поэтому против них стали применять отряды особого назначения и регулярные армейские части, а также некоторые подразделения имеющегося иностранного контингента.

На подконтрольных партизанами территориях порой складывались даже свои квазигосударственные образования, как правило, на эсеровской платформе, но с функционированием местных Советов. В районах с преимущественно старожильческим населением преобладала земская система самоуправления. Так, например, существовавшая с декабря 1918 до июня 1919 годов эсеровско-большевистская «Степно-Баджейская (Заманская) партизанская республика» повстанческой армии (Кравченко А.Д., Щетинкина П.Е.) численностью около 3,5 тыс. человек и др.

Примечание. О такой особенности после падения «белого» режима в регионе в циркуляре Сиббюро ЦК РКП(б) (февраль 1921 г.) отмечалось так:

«Мелкобуржуазное собственническое крестьянство охотно принимает советскую форму государства без коммунизма, как эсеровское трудовластие».

Как правило, население повстанческих образований были далеки от дела претворения в жизнь каких-либо явных политических идей: «Партизан привык защищать свой дом, а не государство». Были они далеки и от собственно актуальных политических российских проблем. Однако после восстановления в Сибири советской власти, пережив период острейшего социально-политического кризиса «антиколчаковского лагеря» с его антикоммунистическими и антисоветскими выступлениями, бывшие партизаны стали самым активным элементом строительства советской власти. Многие из них оказались на руководящей партийной, советской, хозяйственной работе, на службе в органах ВЧК-ОГПУ, из них на одну треть состояли органы рабоче-крестьянской милиции региона [5, с. 76–114; 1, с. 161–172].

Все вышеперечисленное вкупе с массовым дезертирством, бесчинствам преступных банд (нередко прикрывающихся смутными политическими лозунгами), многочисленными спонтанными акциями повстанцев и членов различного политического подполья (нередко ничем не отличавшимся от самоуправства и разбоя) и многие другие проблемы крайне осложняли деятельность правоохранительных органов белых правительств, зачастую делали ее безрезультативной [2, с. 175], порождали пассивность сотрудников милиции, осознающих временный характер существующего в данный момент режима и неопределенность своего будущего в этой связи, и давали благодатную почву для самосудов среди населения и даже использования им (широко применяемого обеими сторонами политического противостояния) института заложничества.

Примечание. Управляющий Акмолинской областью 30 июля 1919 года докладывал министру внутренних дел, что восстания очень трудно или даже почти невозможно подавить местными силами милиции, «плохо вооруженной и, кстати сказать, не везде имеющейся в достаточном количестве, сколько полагается по штатам, также за отсутствием желающих» [2, с. 175].

Самочинные расправы населения с преступниками (или принимаемыми за таковых) в Зауралье, Сибири, Забайкалье было нередким явлением и до революционного безвременья и безвластия. Учитывая особенности регионов, особенно нетерпимо местные жители относились к различного рода чужакам, бродягам. Об этом весьма красноречиво поведал в своем произведении, впервые опубликованном полностью в журнальном варианте в 1916 г., известный сибирский писатель В.Я. Шишков [19; 20; 13, с. 44-48].

Что же касается массовости внесудебных расправ в рассматриваемый период как общей тенденции, то и в самом Петрограде, в ночь на 27 февраля 1917 года, например, «негодующими солдатами» было расстреляно «шесть громил» во время разграбления последними ювелирного магазина на Суворовском проспекте, а Москве из арестованных в июне-июле 1918 года за кражи и грабежи 800 человек более двухсот сразу же были направлены в тюремные больницы, так как были застигнуты на месте преступления и стали жертвами самочинных расправ населения [6; 7, с. 108].

Заключение

Рейд колчаковской армии «от Урала к Волге» и занятие весной 1919 года таких крупных городов, как Уфа, Самара, Златоуст, Пермь, Екатеринбург, Ижевск, Сарапул, Казань и др. прошел при поддержке местного населения, уставшего от мероприятий «военного коммунизма», но жестокие карательные меры белых властей, отобрание земель вернувшимися бывшими владельцами и т. п. привели к стремительному падению энтузиазма. Деникин на Дону не желал идти в союзе с Колчаком.

Весной 1919 года антибольшевистские силы стали терять поддержку Антанты, войска которой стали возвращаться в свои страны. Такая обстановка позволила Советскому правительству сконцентрировать усилия на борьбе с оставшимся сильным противником – Верховным правителем России Колчаком, военщина которого давно уже отпугнула от себя единственную его конструктивную силу – эсеров.

Майско-июньское (1919 г.) наступление большевиков отбросило колчаковские соединения далеко в Сибирь, а затем окончательно рассеяло их. Так к началу 1920 года почти вся Сибирь была отвоевана советской властью. Сам Верховный правитель своими прежними союзниками – белочехами, был выдан большевикам и расстрелян ими под Иркутском в январе 1920 года.

Армия Юденича, оставшись без поддержки англичан, была отброшена обратно в Эстонию. Деникин, при активной поддержке «зеленых» став полновластным хозяином Дона, Кубани, Северного Кавказа, Украины и Нижнего Поволжья, в летне-осеннем (1919 г.) «походе на Москву» дошел до губерний Центрального Черноземья. По пути его войска сеяли страх и ужас бесчисленными плетьюми, виселицами и грабежами местного населения. Однако в его тылу прежние союзники (Н. Махно, С. Петлюра, независимое грузинское правительство, автономные казачьи правительства) подняли волну мятежей, в некоторых случаях, в союзе с большевиками.

В отступлении деникинская армия (Отдельный Добровольческий корпус, А.П. Кутепов) к ноябрю–декабрю 1919 года вышла к Одессе и Крыму, а в феврале 1920 года ее остатки (около 5 тыс. человек под командованием уже П.Н. Врангеля) вместе с осколками других белогвардейских формирований скучились в районе Новороссийска, став опорной силой возникшего в апреле Правительства Юга России (апрель – ноябрь 1920 г., А.В. Кривошеин). К ноябрю 1920 года Красная армия под командованием М.В. Фрунзе (1885–1925) в тяжелых боях заняла Крым. Из отчаянно сопротивлявшихся нескольких десятков тысяч белогвардейцев кто успел, тот эвакуировался на судах в Турцию и далее, а кто не успел, того ожидала неминуемая кара от входящих в Крым на плечах панически отступающих остатков белых войск красноармейцев и командированных сотрудников ВЧК.

После перемещения центра вооруженной борьбы с большевиками в Забайкалье в январе – ноябре 1920 года здесь функционировал политический режим «Главногокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной

окраины» генерал-лейтенанта, атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова.

В январе 1920 года Семенов успел получить от Колчака пост «Главного командующего вооруженными силами Дальневосточного и Иркутского военных округов» с поручением «образовать орган государственного управления в пределах распространения его верховной власти». Хотя влияние Семенова никогда фактически не выходило за пределы восточной части Забайкалья, а к лету 1920 года сократилось до г. Читы и его окрестностей, созданные по его распоряжению органы власти и управления, по идее, действовали от Байкала до Сахалина.

Семенов боролся с большевиками (правильнее сказать, с партизанским движением), с Народно-революционной армией эсеровской Дальневосточной Республики (ДВР) под командованием В.К. Блюхера (1890–1938) и отказывался принимать имеющиеся в Забайкалье и на Дальнем Востоке структуры Временного правительства, а в деле «государственного» строительства то и дело сталкивался с подобной деятельностью, так же как и он сам, назначенного Верховным правителем, Управляющего Забайкальской областью, успевшего сформировать «свои» областные учреждения. Тем не менее, реализуя широчайшие полномочия, вместо министерств Семенов учредил несколько краевых управлений (с июня – ведомств) с чрезвычайно обширной компетенцией, в том числе и управление внутренних дел с милицией в подчинении. В апреле 1920 года был создан даже орган «народного представительства» – Краевое народное совещание (с июня – Краевое народное собрание, самораспустившееся в начале сентября). Почти все это осталось на бумаге, а «остатки семеновских войск и часть гражданского населения эвакуировались из восточного Забайкалья в полосу отчуждения КВЖД (Манчжурию – *А.И.*) и Приморье» [15; с. 154–159].

Остается сказать, что к весне 1921 года были, в основном, ликвидированы почти все антисоветские квазигосударственные образования на территории РСФСР, в том числе на Кавказе, в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке и активные антибольшевистские центры вооруженной борьбы (кроме ДВР и некоторых других в том регионе, просуществовавших до осени 1922 г.).

Гражданская война в России закончилась.

Список литературы

1. Вторушин М.И. Партизанские республики Сибири периода Гражданской войны // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2017. – Т. 3. – №2. – С. 161–172.

2. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 352 с.

3. Звягин С.П. Привлечение милиции антибольшевистских правительств к сбору налогов с населения на Урале и в Сибири (1918–1919 гг.) // Вестник КемГУ. – 2013. – №2 (54). – Т. 3. – С. 225–228.

4. Корнева Е.А. Министерство охраны государственного порядка Комуча: создание и деятельность (1918 г.) // Новый исторический вестник. – 2004. – №11. – С. 139–149.

5. Ларьков Н.С. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны / Н.С. Ларьков, В.И. Шишкин // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4: Сборник научных статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 76–114.

6. Меры борьбы с попытками к грабежу // Власть труда. – 1918. – 23 февраля.

7. Милюков С.Ф. Уголовно-правовая политика и политический режим // Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб., 2001. – С. 94–122.

8. Михеенков Е.Г. Последствия уголовно-исполнительной политики Временного правительства в западной Сибири в 1917 году // Современные проблемы и достижения аграрной науки в животноводстве, растениеводстве и экономике: Сборник трудов региональной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во ТСХИ, 2012. – Вып. 14. – С. 193.

9. Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918–1920 гг.): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: МосУ МВД России, 2007. – 42 с.

10. Петров А.В. Основные направления деятельности советской милиции Урала и Сибири (1919–1921 гг.) // Сибирский юридический вестник. – 2006. №2. – С. 20–29.
11. Петров А.В. К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета: Юридические науки. – 2012. – Вып. 1 (15). – С. 35–41.
12. Правительственный вестник. – 1919. – 14 марта.
13. Разгон В. «Самоходы» против чалдонов (Адаптация столыпинских переселенцев на Алтае) / В. Разгон, К. Пожарская // Родина. – 2012. – №4. – С. 44–48.
14. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). – Новосибирск, 2006. – 212 с.
15. Рынков В.М. Органы власти и управления Российской восточной окраины в январе–сентябре 1920 г. // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: Материалы VII Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Нонпарель, 2011. – С. 154–159.
16. Симонов Д.Г. Ижевцы и воткинцы: адаптация добровольцев в вооруженных силах адмирала А.В. Колчака // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века / Науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2015. – С. 100–120.
17. Скорикова Н.А. Из истории сибирской милиции // Вестник ИрГТУ. – 2014. – №10 (93). – С. 327–331.
18. Суслов М.Г. Причины поражения белого движения в гражданской войне (Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток) // Гражданская война на востоке России / Под ред. О.Л. Лейбовича. – Пермь: ПГАНИ, 2008. – С. 276.
19. Шишков В.Я. Тайга: Повесть // Летопись. – 1916. – №7. – С.23–49; №8. – С. 28–67; №9. – С. 33–89; №11. – С. 45–67.

20. Шишков В.Я. Тайга. Холодный край: Рассказы / В.Я. Шишков; сост. В.И. Ермаков; авт. послесл. Н. Еселев. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1979. – 431 с.

Иванов Алексей Алексеевич – д-р юрид. наук, доцент профессор кафедры истории государства и права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя», Россия, Москва.
